

Победа русской литературы

Александр
Минкин

Светлана Алексиевич получила Нобелевскую премию по литературе!
Советская по рождению, белорусская по национальности, русская по языку и культуре. Русский писатель получил Нобелевскую! Рады? – Конечно! – А читали?

Светлана Алексиевич. Фото:
ru.wikipedia.org

Не стесняйтесь. Раз не читали, так и скажите. И Нобелевская премия тут ничего не изменит. Уж очень тяжёлые книги. Их трудно читать. Так же, как ухаживать за тяжелобольным – долг заставляет, а удовольствия никакого. (Хотя сознание исполненного долга каким-то образом помогает жить, поднимает со дна.)

Первая книга – «У войны не женское лицо» – вышла в 1985-м, попала в горбачёвскую Оттепель. Премия Ленинского комсомола, спектакль в Театре на Таганке... Алексиевич стала знаменитой. А книжка была жуткая – она записала рассказы женщин: как они воевали и что им приходилось терпеть на фронте. Насколько больше им приходилось терпеть по сравнению с мужиками, которым хотя бы наплевать на отсутствие ваты, чистых тряпок...

Почти сразу вышла вторая книга – «Последние свидетели» – рассказы о войне тех, кому тогда было от 7 до 12 лет. Война детскими глазами.

Не будем пересказывать книги Нобелевского лауреата своими словами. Лучше процитируем немножко.

«...Сгорела вся улица. Сгорели бабушки и дедушки, и много маленьких детей, потому что они не убежали вместе со всеми, думали – их не тронут. Идёшь – лежит чёрный труп, значит, старый человек сгорел. А увидишь издали что-то маленькое, розовое, значит, ребёнок. Они лежали на углях розовые...»

Потом, в 1989-м, появились «Цинковые мальчики» – про Афганистан.

«Я был приучен стрелять, куда мне прикажут. Стрелял, не жалел никого. Мог убить ребёнка. Ведь с нами там воевали все: мужчины, женщины, старики, дети. Идёт колонна через кишлак. В первой машине глохнет мотор. Водитель выходит, поднимает капот... Пацан, лет десяти, ему ножом – в спину... Там, где сердце. Солдат лёг на двигатель... Из мальчишки решето сделали... Дай в тот миг команду: превратили бы кишлак в пыль... Думать было некогда. Нам же по 18-20 лет. К чужой смерти я привык, а собственной боялся. Видел, как от человека в одну секунду ничего не остаётся, словно его совсем не было. И в пустом гробу отправляли на родину парадную форму. Чужой земли насыплют, чтобы нужный вес был... Хотелось жить... Никогда так не хотелось жить, как там. Вернёмся из боя, смеёмся. Я никогда так не смеялся, как

там...»

Потом, в 1997-м, была «Чернобыльская молитва». Понятно про что.

...Последняя, изданная в 2013-м, – «Время секунд хэнд». Там есть эпиграф, взятый Алексиевич из книги русского философа, которого Ленин выслал (в числе других) в 1922-м. Слова очень важные:

«Надо помнить, что за победу зла в мире в первую очередь отвечают не его слепые исполнители, а духовно зрячие служители добра». Фёдор Степун.

Попробуйте вспоминать эту фразу Степуна всякий раз, когда будете слушать очередного служителя добра, поможет.

Книгу «Время секунд хэнд» можно было бы назвать по-русски: «Время б/у» (бывшее в употреблении) или «Время с чужого плеча», но Алексиевич предпочла вошедшее в язык «из вторых рук». В предисловии она написала:

«У коммунизма был безумный план – переделать «старого» человека, ветхого Адама. И это получилось... может быть, единственное, что получилось. За 70 с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип – homo soveticus. Одни считают, что это трагический персонаж, другие называют его «совком». Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он – это я. Это мои знакомые, друзья, родители... Теперь мы живём в разных государствах, говорим на разных языках, но нас ни с кем не перепутаешь...

...Человек хочет просто жить, без великой идеи. Такого никогда не было в русской жизни, этого не знает и русская литература. В общем-то, мы военные люди. Или воевали, или готовились к войне. Никогда не жили иначе. Отсюда военная психология. И в мирной жизни всё было по-военному. Стучал барабан, развевалось знамя... сердце выскакивало из груди...

Человек не замечал своего рабства, он даже любил своё рабство...»

..Возможно, некоторые скажут: ей дали Нобелевскую, потому что там, на Западе, теперь всё делают нам назло. А в её книжках наша страна выглядит не лучшим образом. Ага, там и вкусный сыр делают нам назло, и телефоны, которые у каждого из вас в кармане... Только книгу нам назло они не смогли написать. Зато смогли прочесть. И, может быть, что-то понять.

Это учебник истории. Настоящий, не заказной, не конъюнктурный.

Алексиевич писала не для Горбачёва и не против Горбачёва. Всё, что она написала – не против Брежнева и не против Путина. Она – если уж быть точным – даже не написала, а записала эти книги. Это рассказы реальных людей, а не выдумки гламурок и гламуриков. Её книги – настоящие. Рядом с ними книжки наших знаменитостей какие-то скользкие, прёт фальшь.

В недавнем интервью Алексиевич размышляет:

«Почему наше страдание не конвертируется в свободу, достоинство? Это рабство, которое сидит в людях, этот Сталин, который мгновенно сейчас возродился. Уже 5 его музеев по России. Я думаю, что это имеет глубокие исторические корни. Опыта свободы в России не было. Люди не знают, что это такое. У меня в книжке есть история, когда мы в Смоленске, в какой-то деревне. 10 утра. Мужики уже сидят под магазином. Ну и начали говорить о свободе. Мы как инопланетяне были. «Какая свобода? Чё ты несёшь? Водка – какая хочешь: Путинка, Горбачёвка... Есть бананы, колбаса – это и есть свобода».

Мы друг для друга инопланетяне. Рискните. Вместо донцово-прилепино-акунино-шаргуново-прохановщины купите одну книжку Алексиевич. У вас появится точка отсчёта.

Александр Минкин

Опубликовано в газете «Московский комсомолец»

№26933 от 9 октября 2015